

«Статьи в роде Адиссонова Спектатора». Подневольная «англомания» Фаддея Булгарина

© А.А. Орлов

Московский педагогический государственный университет,
Москва, 119435, Россия

Обращение к архивным документам и другим источникам показывает, что Николай I в начале своего правления ориентировался на английский опыт создания системы государственного управления. Но его внимание было направлено не на английский конституционализм и либеральные тенденции, а на политический консерватизм и медленные половинчатые реформы «сверху». Возможно, внедрение такого варианта англомании в русскую литературу (сферу, всегда плохо поддававшуюся контролю) доверили «чужаку» Ф.В. Булгарину, действовавшему под контролем III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. Благодаря поддержке властей, литературным талантам и коммерческим способностям ему удалось многое сделать в этом направлении. Однако, после того как Николай I сошел с исторической сцены, услуги Булгарина, как и николаевский вариант официальной англомании, оказались не востребованы.

Ключевые слова: Ф.В. Булгарин, российская тайная полиция, Николай I, А.Х. Бенкендорф, русская англомания, русская литературная среда

Изучая первые годы правления Николая I, можно убедиться в том, что в процессе реформирования государства он ориентировался на Англию, хотя считался врагом либерализма. Это был совсем другой вариант общественного развития, чем при его старшем брате Александре I. Николай I избрал для себя не либеральное реформирование, поставившее страну на грань революции в 1825 г., а политический консерватизм в сочетании с медленными половинчатыми реформами. Принципиальная позиция императора позволяла сохранить англо-русский союз, обеспечивший появление в 1815 г. Венской системы международных отношений, и в то же время развивать российскую экономику с дальним прицелом на ее избавление от подавляющего влияния британского посредника.

Именно в таком направлении предлагалось думать и действовать тем, кому было оказано высочайшее доверие. Категорически отрицалась только французская революционность. Это уже было показано по архивным документам при исследовании забытых русских проектов конституционных реформ 1830–1840-х годов [1], а также полемики по острым общественно-политическим вопросам, бескомпромиссно прерванной властью во второй половине 1820-х годов [2].

Дальнейший архивный поиск побуждает обратить внимание на политику правительства Николая I, и прежде всего III Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, в области литературы. Тут внимание исследователя привлекает фигура Ф.В. Булгарина. Его роль как одного из главных осведомителей и, используя современную терминологию, экспертов по вопросам литературы III Отделения известна давно. Но возникает вопрос: почему власти настолько доверяли бывшему французскому офицеру? Не проявилось ли здесь стремление Николая I внедрить в русскую литературу (сферу, всегда плохо поддававшуюся контролю) такого человека, который, возможно, по прямому приказу сверху, а скорее всего по намекам, поощрениям и наказаниям смог бы организовать, если можно так выразиться, «англизацию» русской литературы с целью вовлечения ее в общий процесс модернизации при подавлении революционных и либеральных тенденций.

Для решения этой задачи следует привлечь архивные документы из фонда III Отделения Государственного архива РФ (ГА РФ), отдельные тексты литературных произведений самого Булгарина, мемуарные свидетельства его друзей и врагов (в жизни такого человека они часто менялись местами). Архивные документы были опубликованы и прокомментированы в разные периоды [3–8], но в данной работе внимание будет обращено на те свидетельства источников, которые, по мнению автора статьи, показывают деятельность Булгарина в плане направления, определенного сверху, т. е. его «подневольной» англомании.

Ключами к исследованию станут метод case study при анализе архивных документов и для выявления возможного скрытого смысла известных текстов микроисторическая методика, предложенная К. Гинзбургом в целях изучения сложного процесса взаимодействия истории, антропологии и теории литературы [9, с. 100]. Для автора статьи важны были идеи писателя и литературоведа Ю.Н. Тынянова, впервые изложенные в сборнике работ «Архаисты и новаторы» (1929), о столкновении в русской литературе 1820–1830-х годов разных европейских влияний (немецкого, французского и английского), медленной и запоздалой русской реакции на «упрощенную мешанину» данных направлений и формирование в этой борьбе особого языка первого национального поэта — А.С. Пушкина [10, с. 52, 53]. Обратим также внимание на отмеченное Тыняновым идейное воздействие Пушкина и А.С. Грибоедова на Булгарина, при том что их личные и литературные отношения были, как известно, очень сложными.

Пушкин еще в 1822 г. отметил смену французского влияния английским в русской литературе. «Английская словесность начинает

иметь влияние на русскую. Думаю, что оно будет полезнее влияния французской поэзии, робкой и жеманной», — писал он 27 июня 1822 г. Н.И. Гнедичу из Кишинева [11, с. 47, № 29]. Из письма князю П.А. Вяземскому от 6 февраля 1823 г.: «Французская болезнь умертвила бы нашу отроческую словесность» [11, с. 69, № 44]. Но очень скоро Пушкин убедился в том, что английские образцы, так же как и французские, не могут дать русской литературе свободы выражения. В июне 1824 г. он писал (по-французски) дружески относившемуся к нему правителю канцелярии Новороссийского и Бессарабского наместника графа М.С. Воронцова А.И. Казначееву: «...мне наскучило, что в моем отечестве ко мне относятся с меньшим уважением, чем к любому юнцу-англичанину, явившемуся щеголять среди нас своей тупостью и своей тарабарщиной» (“...je suis ennuyé d’être traité dans ma patrie avec moins d’égard que le premier galopin anglais, qui vient promener parmi nous sa platitude, sa nonchalance et son baragouin”) [11, с. 111, № 72].

Пушкин довольно быстро отказался от подражания английским образцам, хотя и сохранил на всю жизнь интерес к языку и литературе этой страны [12]. Но в глазах представителей высшей российской власти (вспомним конфликт поэта и его начальника-англомана — «милорда Уоронцова» [11, с. 136, № 93]) английская литература — литература страны, упорно сражавшейся с Французской революцией и Наполеоном, представлялась тогда образцом благомыслия, спокойствия, рациональности, патриотизма и верности религиозным заповедям. Французская литература, идейно подготовившая революцию, а после поражения Наполеона сделавшая своим знаменем либерализм (хотя на самом деле ситуация была гораздо более сложной [13]), считалась исключительно опасной и вредной.

При представлении Николаю I записки «О Булгарине» (1826) [14, л. 1–4 об.], составленной самим журналистом в безличной форме, глава III Отделения А.Х. Бенкендорф, запрашивая согласие императора на присвоение Булгарину какого-либо русского гражданского чина (вместо позорного звания французского капитана), отмечал среди его заслуг: он «с 1816-го года... снискав уже почетное имя в Польской словесности, начал трудиться для Российской...» [14, л. 1 об.].

Особенно позорным для Булгарина было его участие в войне 1812 г. на стороне французов. Вытеснить за пределы сознания эти болезненные воспоминания ему помог английский сентиментализм. По примеру книги Лоренса Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» (1768) он написал повесть «Чувствительное путешествие по передним» (1830). В ней жалкий проситель, обивающий пороги домов влиятельных людей, в том числе любимца всемогущего вельможи — Фалалея Фалалеевича, видит переднюю, заваленную вышедшими из употребления вещами. Гость рассматривает висящие

на стенах «...несколько гравированных картинок, представляющих сражения 1812 года. Рамки красного дерева свидетельствовали, что эти картины имели некогда честь украшать комнаты» [15, с. 208]. В то же время источниковед А.Г. Тартаковский отметил большие заслуги Булгарина (иначе быть не могло) в сохранении памяти о 1812 г. [16, с. 19–24].

Однако эта деятельность Булгарина развернется в 1830-е годы, а в 1826 г. в оправдание просимой награды чином он извещал Бенкендорфа, а через него — Николая I о том, что его обширная журналистская и издательская деятельность всегда была направлена на исправление «...нравов статьями в роде Адиссонова (так в тексте. — А.О.) Спектатора» [14, л. 2 об.]. Имелся в виду журнал «Зритель» («Спектейтор», "The Spectator"), издававшийся английским просветителем Дж. Аддисоном в 1711–1714 гг., который делит с Р. Стилом и Д. Дефо звание первого журналиста в истории Англии и всей Европы [17, с. 167–216]. Той же цели с 1825 г. служила газета Булгарина «Северная пчела»¹, чья главнейшая цель, по его собственным словам, состояла «...в утверждении верноподданнических чувствований и в направлении умов к истинной цели, то есть преданности к Престолу и чистоте нравов» [14, л. 3].

Дополнительным доказательством верности политике противодействия революционным идеям Булгарин считал то, что враги правительства всегда ненавидели и преследовали его. «Что Булгарин вытерпел за свой образ мысли от партии, некогда сильной в обществе, которой пагубные замыслы открылись в последствии, сие известно всем, составлявшим круг их знакомства. Булгарина даже стращали публично, что со временем ему отрубят голову на Северной пчеле за распространение не Европейских (так они называли) идей. Но Булгарин всегда пребыл тверд в своих правилах, и видя какое-то своеволие мыслей между юношеством и некоторыми умниками, не постигая тайной причины, всегда старался противудействовать их влиянию на общее мнение» [14, л. 3 об.]. Слова о лишении головы принадлежали К.Ф. Рылееву и были сказаны, видимо, в шутку во время дружеского обеда у купца А.И. Северина, одного из трех директоров Российско-Американской компании (РАК). Скорее всего, речь шла о публикациях в «Северной Пчеле» статей с негативной информацией о положении во владениях РАК (Рылеев не без оснований подозревал, что они принадлежали Булгарину), деятели которой, по словам автора заметок, не могли составить достойной конкуренции английским и американским торговцам.

¹ Название было позаимствовано от издававшейся некоторое время в Петербурге и бесславно закончившей свое существование газеты на французском языке «L'Abeille du Nord» [19, с. 12]. Одна из первых побед Булгарина над русской галломанией.

По этой причине Рылеев 14 февраля 1825 г. подал официальную жалобу (№ 155) в Петербургский цензурный комитет. Но Булгарин сумел оправдаться, поэтому вновь был допущен в «компанейский» круг [18, с. 26, 27, 40]. После разгрома восстания декабристов ловкий газетчик сумел обратить этот эпизод в свою пользу.

Итак, Булгарин должен был озаботиться воспитанием патриотических чувств россиян. Николай I приказал наградить его чином коллежского асессора с причислением (в качестве чиновника особых поручений) к Министерству народного просвещения [14, л. 6, 6 об.]. В отечественных исследованиях утвердилась мысль о том, что никакой работы в министерстве Булгарин не вел [19, с. 18]. Однако это была важная работа: Булгарин нес колоссальную ответственность за апробирование читающей публикой то одного, то другого образца новейшей западной литературы — от английского готического романа до французского физиологического очерка. «Проверенному человеку» дозволялось использовать французские образцы, но он при этом так подавал материал, что читатель не сомневался: французы — всегда подлецы, а их враги англичане чаще всего молодцы.

В повести «Древняя и новая русская любовь» («Северная пчела», 1834 г.) собеседники (мужчина и женщина) обсуждают иностранные и русские романы. Мужчина говорит: «А потому мне досадно, когда наши сочинители исторических романов заставляют предков наших любиться по рецептам мадам Котен, а рыцарствовать по правилам Вальтер-Скотта (так в тексте. — А.О.) и когда эти авторы забывают, что в старину у нас не было ни романов, ни мадамов-воспитательниц, ни полуфранцузских воспитанниц, ни рыцарей, ни модных магазинов... <...> Мода, между прочими причудами, заставила нас вверять детей наших попечениям чужеземных воспитателей, которые замесили наши чувствования на иностранных дрожжах и из твердого русского сердца сделали тесто, появляющееся в свете в виде французского паштета, начиненного фразами, или английского пудинга, приправленного странностями». Но в то же время исторические романы Вальтера Скотта были оценены автором весьма высоко, поскольку они «...распространили сведения об истории и заставили полюбить ее, а большая часть наших исторических романов есть не что иное, как сказки, которых все достоинство состоит в рассказе. У нас в короткое время существования исторического романа дошло уже до того, что мы не хотим даже почитать недостатками погрешностей противу истории и современных нравов» [15, с. 196, 197, 200, 201].

Здесь надо напомнить о том, что, по оценке литературоведов, Вальтер Скотт был истинным создателем исторического романа Нового времени. Его книги отвечали на насущные вопросы эпохи. Перечисляя их основные черты, убеждаешься: именно такая литература могла

представляться Николаю I подходящей для реализации его планов. Вальтер Скотт интересовался проблемами складывания современных наций и национальных централизованных государств, сепаратизма народов, не получивших своей государственности или ее потерявших, проблемой влияния на общество и государство буржуазных революций и т. д. В то же время, по словам Н.Я. Берковского, он «...открыл перво-степенное значение “производства жизни” в истории народов, перво-степенное значение простых и скромных вещей, перво-степенное значение обычного. <...> Вот почему от романов Вальтера Скотта, хотя в них часто описываются очень бурные события, — вот почему от них веет каким-то покоем» [20, с. 192–194, 198].

Если возникала необходимость резко противопоставить французское и английское влияния, Булгарин делал яркий и однозначный выбор. В повести «Лев и шакал» (1843) он оценивает галломанию как нечто отжившее и уже не имеющее значения для русского общества [15, с. 139, 140, 142], а англomanию — как актуальное явление, освободившееся «...из-под власти французских мод и... [начавшее] давать всему свой собственный фасон — fashion» [15, с. 145]. «Шакалы» — это французы и их подражатели, тогда как англичане — «львы», хотя перенять их львиную натуру русским пока не удалось [15, с. 151–164]. Такие говорящие сравнения рассыпаны по разным сочинениям Булгарина. Описывая петербургскую аристократическую семью «образца 1843 г.», он выводит на сцену молодую барышню, говорящую даже дома по-французски («...по смыслу стиха Грибоедова (в “Горе от ума”): Нет русского словца!..»), но при этомжимающую отцу руку по-английски (handshake) [15, с. 42]. В повести «Гостинный двор» (1843), рассказывая о жизни и повадках русских купцов, Булгарин нещадно критикует «куриозные товары» отечественной промышленности. «В нынешнее время все лавочки на всем пространстве России завалены произведениями русских фабрик, т. е. косыми, кривыми, ломкими, линияющими изделиями, которые развозят по деревням и по ярмаркам великороссийские мужички, или от себя, или по комиссии, и которые вы можете видеть в Петербурге на *рынке*. Советую посмотреть! Это очень любопытно! <...> Впрочем, на наших русских фабриках французские, английские и немецкие мастера выделывают из заграничного сырого материала на английских машинах превосходные изделия, не уступающие вовсе французским, английским и немецким, и этими изделиями вы можете любоваться на мануфактурных выставках или купить их в Английском магазине...» [15, с. 122, 123]. Почти так же Булгарин описывал в «Северной пчеле» (№ 256) посещение Николаем I Московской промышленной выставки 1831 г. [21, с. 157]. В своих произведениях журналист особенно восхищался Английским магазином на Невском проспекте, который, по его выражению, «...есть столица всех магазинов. <...> Мне

кажется, что этот магазин должен называться не Английским, а *универсальным*» [15, с. 172]. И вообще все английское — всегда лучшее! В «Чувствительном путешествии по передним» деловитый и всем нужный английский конюх противопоставлен бездельнику-французу мусье Грипусье, отставному (!) гувернеру или учителю, который «...беспрестанно таскается с письмами, вещами и бог весть с чем» [15, с. 204, 205]. И так далее.

Булгарин работал в разрешенной ему области с энергией, размахом и энтузиазмом. Прежде всего необходимо было дезавуировать тех, кто являлся его конкурентом, но не желал (по разным причинам) действовать под контролем правительства. Либеральную среду он хорошо знал, поскольку до восстания декабристов был, по выражению С.В. Денисенко, «осторожным либералом», водил дружбу, кроме Рылеева и Грибоедова, с Н.М. Карамзиным, братьями Бестужевыми, Н.И. Гречем и др., участвовал во всех трех выпусках одного из лучших альманахов — «Полярная звезда» (1823–1825), опубликовал интереснейшие «Воспоминания об Испании» с оценкой важности и значения «народного духа» испанцев, которые с помощью англичан освободили свою родину от захватчиков-французов² [19, с. 9–11]. При этом опасность представляли консерваторы, подобные министру народного просвещения адмиралу А.С. Шишкову, являвшиеся прямыми конкурентами новоявленного «воспитателя юношества». Сотрудничество с III Отделением должно было остаться для всех тайной, следовательно, действовать нужно было крайне осторожно, чтобы не спугнуть потенциальных читателей, причем исключительно с помощью литературных, а также литературно-коммерческих средств.

Для раскола русской литературной среды Булгарин, когда было нужно, менял «западничество» на «ориентализм», и тут, конечно, опять возникала английская тема. В 1824 г. В.К. Кюхельбекер в статье «О направлении нашей литературы, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1-я часть альманаха «Мнемозина») призвал «...к изучению восточных литератур». Булгарин немедленно выразил восторг по этому поводу, дав в журнале «Литературные листки» (1824, № 5 и 15) совет всем сочинителям обратиться к восточным литературам, которые «тем занимательнее для русских, что мы имели с древних времен сношения с жителями одного (т. е. Востока. — А.О.)» [10, с. 95, 98–101]. Интерес Булгарина и Греча (как издателей)

² По словам Н.Я. Эйдельмана, сотрудничество в «Полярной звезде» Пушкина, Грибоедова, Вяземского, Рылеева, Булгарина, В.И. Туманского, Жуковского и многих других свидетельствует о создании русскими писателями «...широкой, влиятельной “республики словесности” на декабристской основе» (Эйдельман Н.[Я.] Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений. М.: Художественная литература, 1979. С. 299). Англомания уже тогда была опробована Булгариным как творческий метод, но, конечно, на принципиально иной идейной основе.

к востоковедческой тематике разнообразного характера уже отмечался в научной литературе [22, с. 25–30, 41–43, 169, 170 и др.].

Кюхельбекер и кн. В.Ф. Одоевский высказались категорически против таких «ориенталистских» советов [10, с. 100, 101]. На их стороне мог бы оказаться и Грибоедов, дружбой с которым Булгарин особенно дорожил. Тынянов, раскрывая связь литературы и дипломатии в жизни Грибоедова, цитировал его статью (1819) «Письмо к издателю “Сына Отечества”» по поводу помещения в газете «Русский инвалид» известия, основанного на ложных источниках, будто бы, по сообщениям из Константинополя, «в Грузии произошло возмущение, коего главным виновником почитают татарского князя». Грибоедов резко критиковал журналистов, не желающих выяснять настоящее положение дел («у нас привыкли... от доски до доски переводить» статьи из «Гамбургского корреспондента») в сопредельных с Россией странах Востока и заменяющих важную информацию безответственными выдумками. Он обращал внимание на то, что англичане в Персии внимательно следят за такими публикациями и могут всегда (посредством возбуждения общественного мнения) обратить их во вред русским. «Грибоедов здесь обнаруживает такое понимание значения слухов, выдумок, клеветы, которое одинаково важно при оценке его драмы, художественной и личной; более того — статья, написанная за десять лет до гибели, как бы предвосхищает все основные причины ее и даже виновников», — пишет Тынянов, имея в виду происки английских дипломатов в Тегеране [10, с. 358]. Но Грибоедов погиб в 1829 г., а память о нем монополизировал Булгарин [19, с. 10, 11].

Конечно, Булгарину постоянно угрожала опасность запутаться в этой эклектике (неизвестно, что в каждый конкретный момент будет востребовано читающей публикой?), но талант рассказчика и коммерсанта, склонность к самоиронии [23, с. 220], а также военная закалка и поддержка властей позволяли ему выходить из трудных ситуаций и оставаться на плаву. Он не опасался даже время от времени «вызывать огонь на себя», пользуясь тем, что «Северная пчела» приобрела среди читающей публики огромную популярность [24, с. 185]. После выхода в свет книги «Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого» (1843), которая ввела в русскую литературу жанр физиологического очерка, в «Северной пчеле» появился вызывающий анонс. Газета «...мол, только заговорив о новых книгах, начала с сочинения одного из издателей своих. Да кому же и сказать, как не “Северной пчеле”? Для других журналов теперь — пир! Подавай сюда новое сочинение издателя “Пчелы” — руби, коли, стреляй залпом!» [19, с. 22]. Молодое поколение литераторов гневно обрушилось на книгу Булгарина и на него самого. Тон в острой общественной полемике задавали «Отечественные записки» Н.А. Некрасова [24, с. 147]. На Булгарина это не оказало никакого воздействия, так же как

и злословие его конкурента, писателя и издателя журнала «Библиотека для чтения» О.И. Сенковского. В повести «Большой выход у Сатаны» (1833) тот высмеял роман Булгарина «Димитрий Самозванец» (1830) и стремление романтиков писать «...по одному из двух готовых образцов, по одной из двух давно известных, определенных систем: писать же так, чтоб это не было ни *сглупа* по-афински, ни *сдурна* по-староанглийски — того на земле никто исполнить не в состоянии. <...> Прежде они подражали старине греческой, которую утрировали, коверкали бесчеловечно; теперь она им надоела, и я (говорит библиотекарь Сатаны черт Точкостав. — А.О.) подсунул им другую пошлую старину, именно великобританскую, на которую они бросились, как бешеные, и которую опять стали утрировать и коверкать. Они сами видят, что прежде были очень смешны; но того не чувствуют, что они и теперь очень смешны, только другим образом, и радуются, как будто нашли тайну быть совершенно новыми» [25, с. 234, 252].

Булгарина подобная критика несколько не волновала. Для него главным было то, что он успевал первым публиковать произведения в стиле новейших литературных направлений. Так, выступив в 1830-х годах как «реалист», он в 1840-х годах успешно отражал нападки «пошлых», по его словам, представителей «натуральной школы» [19, с. 22, 23; 23, с. 329, 330]. Булгарин, как и прежде, опять был на коне и опять необходим властям.

Но иногда тучи над его головой сгущались, и он неожиданно оказывался в немилости у влиятельных чиновников. В апреле 1828 г. донос на Булгарина подал наместнику Царства Польского великому князю Константину Павловичу попечитель Виленского университета сенатор Н.Н. Новосильцев (Новосильцов). Его возмутила реакция «Северной пчелы» на вышедшую в 1828 г. в Петербурге поэму Адама Мицкевича «Конрад Валленрод» [14, л. 25–32 об.]. Положение осложнялось тем, что в 1827 г. Булгарин опубликовал в альманахе «Северные цветы» историческую повесть «Падение Вендена»³ на ту же тему. (Это была попытка занять положение главы романтической школы. Когда она сорвалась, он вступил с романтиками в яростную полемику.) Попытки Булгарина возглавить романтиков поддерживал в своих целях Бенкендорф. Поэтому донос Новосильцева положили под сукно. Однако тот был настойчив и в июне 1828 г. передал рапорт через управляю-

³ Литературовед Ю.А. Беляев признавал: «Объективный анализ развития отечественной литературы действительно раскрывает вклад Булгарина как автора “Д[и]митрия Самозванца” и “Мазепы” в создание русского исторического романа наряду с [М.Н.] Загоскиным и [И.И.] Лажечниковым» (Беляев Ю.[А.] Эпохи, воскрешенные словом. Русская историческая повесть. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1988. С. 16). Повесть «Падение Вендена» опубликована в этом томе вместе с историческими повестями других русских романтиков (с. 226–246).

щего Военным министерством генерал-лейтенанта графа А.И. Чернышева главнокомандующему в Петербурге генералу от инфантерии графу П.А. Толстому [14, л. 24, 24 об.]. Бенкендорф опять не дал хода делу. Новосильцев в третий раз пытался привлечь внимание к своему рапорту через начальника Военно-походной Канцелярии Николая I (личного друга императора) генерал-майора В.Ф. Адлерберга [14, л. 33, 33 об.]. Бенкендорф ради окончательного прекращения конфликта переслал Адлербергу и дежурному генералу Главного штаба Е.И.В. генерал-адъютанту А.Н. Потапову все материалы дела, из которых явствовало, что оставить его «без дальнейшего внимания» приказал сам император [14, л. 34, 36]. К ним было приложено подробное «Объяснение на представление... Новосильцова о вредном духе сочинения... Конрад Валенрод, и о вредном влиянии на Польшу Журналиста Булгарина» от 4 июля 1828 г. [14, л. 38–52 об.].

Жандармы дали Булгарину характеристику как истинно русскому патриоту. Ради подтверждения его патриотизма в тексте официального документа был сделан профессиональный текстологический и исторический разбор, доказывающий: «Поэма сия есть род исторического романа, как Мармион⁴ Вал[ь]тера Скот[т]а». Для усиления тезиса автор «Объяснения...» еще дважды возвращался к этому сравнению. Оно может являться важным косвенным свидетельством предпочтительного отношения властей к английскому стилю в литературе как лояльно-патриотическому. «Кажется даже, что Автор Поэмы взял в пример бегство Брюсса (так в тексте. — А.О.) от Англичан к Шотландцам из известной Поэмы Вал[ь]тера Скот[т]а: “The Lord of the Isles” [«Властелин островов»] (1815). — А.О.] <...> Каждый роман Вал[ь]тера Скот[т]а можно применить к Польше, где столько же было воен (так в тексте. — А.О.) и возмущений, как и в Шотландии, и где феодализм действовал с равною силою» [14, л. 50 об., 51 об.].

В 1831 г. Булгарин опубликовал патриотический роман (в подзаголовке значилось: «нравоописательно-исторический») «Петр Иванович Выжигин» о борьбе русских с Наполеоном. Оценки романа были разные: от восхищенных до резко критических [19, с. 20–22]. Современный литературовед Т.Н. Гончарова считает «Выжигина» предшественником «Войны и мира» Л.Н. Толстого (“...can be considered a forerunner of ‘War and Peace’ by L.N. Tolstoy”) [26, с. 197]. Стремясь обеспечить успех своему детищу, Булгарин заранее просил Бенкендорфа исходатайствовать у царя согласие на то, чтобы украсить список подписавшихся на книгу «...Священным Именем Его Императорского Величества». Он сумел в полной мере использовать сопутствующие политические обстоятельства. В тревожной обстановке польского восстания 1830–1831 гг. бальзамом для Николая I должны

⁴ Подчеркнутые слова подчеркнуты в текстах архивных документов.

были прозвучать такие слова: «Упавшие духом верные Поляки воскреснут, когда увидят, что их соотечественникам открыты пути трудами и тихою жизнью к Монаршим милостям» [14, л. 133, 133 об.]⁵. Противодействие Булгарина революции было достойно оценено. В апреле 1831 г. император приказал наградить его бриллиантовым перстнем [14, л. 137].

Однако в дальнейшем награды в жизни Булгарина сменялись болезненными проявлениями немилости со стороны покровителей. Это определяется его противоречивым общественным и литературным положением. В апреле 1839 г. возникла размолвка между ним и управляющим III Отделением генерал-майором Л.В. Дубельтом. Булгарин в ответ на письмо Дубельта к нему сочинил многословную рацею с объяснением причин размолвки и с выражением самых преданных чувств: «Клянусь вам детьми, богом и честью, что отныне нет у Вас человека приверженнее меня! Желая доказать вам мою искреннюю и беспредельную преданность!» В доказательство он приводил разговор «...в одном обществе, где, между прочим, было три Генерал-Адъютанта...», во время которого он упомянул Дубельта «...с таким чувством, что один из старых остряков назвал меня в шутку Фаддеем Дубельтовичем. Я не умею быть приверженным в половину — и или молчу, или порицаю, а когда я убежден душевно, хвалю душевно!» И тут же Булгарин (для пущего эффекта) не забыл привести новое доказательство своих заслуг в борьбе с поднимающим голову революционным польским национализмом. «Правительство Царства Польского снова штурмует нас, и мы долго не можем откладывать, опасаясь подозрений, и потому осмеливаем[ся] сообщить статью на разрешение, не привязывая к ней никакой жалобы. Нам бы только заслониться от Варшавского Правления!» [14, л. 142, 142 об.]⁶.

⁵ На нижнем поле л. 133 пометка карандашом рукой Бенкендорфа: «Объявлено Высочайшее согласие». К письму приложено печатное объявление о поступлении романа в печать [14, л. 134, 134 об.].

⁶ На верхнем поле л. 142 пометка императора (?) о прочтении — большой росчерк пером. О трудностях в проведении политики русификации образовательной системы Царства Польского после подавления восстания 1830–1831 гг. см. письмо (от 10 апреля 1839 г.) помощника статс-секретаря Государственного совета в Варшаве Н.И. Павлищева (однокашника и зятя А.С. Пушкина, женатого на его сестре Ольге) к Гречу. Павлищев просил опубликовать его критическую статью «Григорий VII» (отзыв на статью «Библиотеки для чтения» Сенковского) в «Северной пчеле». Объясняя ее значение, он писал: «Редакторы библиотеки своими неуместными похвалами Гильдебранду и, следовательно, Католицизму, могут нарушить здесь спокойствие религиозное и, что всего хуже, действовать невыгодно на умы юношества, которое мы с трудом направляем на путь истины. Писавши статью, я имел в виду дело православия и отечества; достойна ли она занять место в «Северной пчеле» или в «Сыне Отечества», можете решить только вы одни. Дух Папизма, проявившийся

Очередным ударом для Булгарина был отказ (в 1843 г.) в предоставлении ему кредита под залог имения Карлово возле Дерпта (ныне — в черте г. Тарту) с платежом 2 % годовых [27]. В этом он увидел оскорбление всей его предыдущей деятельности и разразился слезным письмом к Дубельту. «Просил я не невозможного и не над силы мои — но теперь вижу, какое место мне назначено в Русском Царстве — и я, как улитка, прячусь в мою раковину! Досадно мне, что я послушался советов приятелей — да уж не воротишь! — Скомпроментировался (так в тексте. — *А.О.*), а делать нечего! Есть Бог и потомство — быть может, они вознаградят меня за мои страдания..... (авторское отточие в тексте. — *А.О.*) ведь надобно же чем-нибудь утешиться!» [14, л. 158, 159 об.]⁷. После смерти Бенкендорфа в 1844 г. Булгарин повторно обращался к новому главе III Отделения графу А.Ф. Орлову с этой просьбой. Поддержка ему все же была обещана [14, л. 160–163]⁸.

Частые ссылки самого Булгарина и его покровителей на достижения, методы и образы английской литературы могут служить свидетельством особого отношения властей к британскому опыту. Но, поскольку официально одобренная англomanия вступала в противоречие с англomanией русских либералов (Грибоедов, Пушкин, Кюхельбекер, В.Ф. Одоевский и др.), медленно освобождавшихся от английского влияния, позиции Булгарина в русской литературной среде всегда были очень уязвимы, что вызывало его стремление подавать публике свою «англomanию» под разными новаторскими соусами — то с помощью эклектики, то с помощью патриотической позиции, то через иронию и сарказм, что особенно хорошо ему удавалось.

Однако все это продолжалось только до тех пор, пока у руля управления государством стоял его главный идейный спонсор — Николай I. Политика императора начала давать сбой уже в конце 1830-х — начале 1840-х годов (отсюда обидное игнорирование некоторых булгаринских

в Библиотеке, заставляет нас быть строже в цензуре, и вперед не пропускать ни одного номера ея без предварительного строгого присмотра. <...> Вам известно, я думаю, что с приезда Сергея Павловича [Шипова] (в 1837 г. назначен главным директором-председателем правительственной комиссии внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского. — *А.О.*) началось здесь в училищах преподавание всех почти предметов на русском языке. Я сам взял кафедру Истории и Географии в здешнем Дополнительном Курсе. Покаместь, успехи наши не блистательны, но через год надеемся потягаться с училищами Западных Губерний» [14, л. 143]. К письму приложена рукопись статьи Павлищева [14, л. 144–156 об.].

⁷ На верхнем поле л. 158 слева пометка карандашом (жирно): «Доложено Графу [Бенкендорфу] и Его Сиятельству теперь не докладывает, потому что желает исполнить, но боится отказа». Булгарин ошибся в подписи — «Феддей Булгарин», видимо, из-за расстроенных чувств.

⁸ На л. 160 сверху слева пометка карандашом (жирно): «Граф Орлов изыщет случай и средство, чтобы исполнить желание Фаддея Венедиктовича».

просьб преемниками Бенкендорфа) и полностью обанкротилась во время Крымской войны. Его наследнику — Александру II — уже не нужны были такие авторы, как Булгарин. Эпоха на дворе была другая, и востребованы были другие люди. Ему оставалось только уединиться в поместье Карлово, повесив на стену кабинета свой портрет в мундире польских улан на французской службе в Испании [27] и время от времени напоминая правительству и сообществу русских литераторов, что при необходимости он может по-прежнему служить тому знамени, которое в очередной раз объявят знаменем национального патриотизма.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Орлов А.А. Рецепция английской и французской политико-юридической мысли в идейном наследии А.В. Бердяева (1840-е гг.). В сб.: В.Е. Воронин, ред. *Ключевские чтения — 2020. Народ и власть. Материалы международной научной конференции молодых ученых. Сборник научных трудов*. Москва, Спутник+, 2021, с. 171–187.
- [2] Орлов А.А. «Англинская вольность здесь не у места...» История розыска автора «Мнения графа Воронцова» в контексте восприятия британского конституционного опыта в России в первой половине XIX в. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 2022, т. 13, вып. 7. DOI: 10.18254/S207987840022269-4
- [3] Рейтблат А.И. *Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы*. Москва, Новое литературное обозрение, 2016, 630 с.
- [4] Рейтблат А.И. *Классика, скандал, Булгарин... Статьи и материалы по социологии и истории русской литературы*. Москва, Новое литературное обозрение, 2020, 574 с.
- [5] Булгарин Ф.В. *Воспоминания. Мемуарные очерки. В 2 т.* Москва, Новое литературное обозрение, 2021, т. 1, 712 с., т. 2, 580 с.
- [6] Рейтблат А.И., ред. *Ф.В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик. Сборник статей*. Москва, Новое литературное обозрение, 2019, 521 с.
- [7] Рейтблат А.И., ред. *Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение*. Москва, Новое литературное обозрение, 1998, 703 с.
- [8] Дубровин Н.Ф. К истории русской литературы. Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч. (Как издатели журналов). *Русская старина*, 1900, т. 103, № 9, с. 559–568, 571–591.
- [9] Гинзбург К. *Соотношения сил. История, риторика, доказательство*. Москва, Новое литературное обозрение, 2024, 184 с.
- [10] Тынянов Ю.Н. *Пушкин и его современники*. Москва, Наука, 1968, 424 с.
- [11] Ефремова П.А., ред. *Сочинения А.С. Пушкина. Т. VII. Письма А.С. Пушкина (1815–1837)*. Санкт-Петербург, Издание А.С. Суворина, 1903, 692 с.
- [12] Долинин А.А. *Пушкин и Англия. Цикл статей*. Москва, Новое литературное обозрение, 2007, 280 с.
- [13] Брандес Г. *Литература XIX века в ее главнейших течениях. Французская литература*. Санкт-Петербург, Ф. Павленков, 1895, XIV с., 408, 392 стб.
- [14] *Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109 (III Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии). 1-я экспедиция, оп. 1 (1826 г.)*,

- д. 82. «Об определении в службу отставного капитана французской службы Фаддея Булгарина и переписка о нем» (169 л.).
- [15] Булгарин Ф.В. *Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. Избранная проза*. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2009, 352 с.
- [16] Тартаковский А.Г. *Неразгаданный Барклай. Легенды и быль 1812 года*. Москва, Археографический центр, 1996, 367 с.
- [17] Лабутина Т.Л., Ковалев М.А. *Британские интеллектуалы эпохи Просвещения: от маркиза Галифакса до Эдмунда Берка*. Санкт-Петербург, Алетейя, 2020, 462 с.
- [18] Киянская О.И. К истории газеты «Северная пчела»: Ф.В. Булгарин и Российско-американская компания. *Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение*, 2012, № 13 (93), с. 24–42.
- [19] Денисенко С.В. Литературная репутация Фаддея Булгарина. В кн.: Булгарин Ф.[В.] *Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. Избранная проза*. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2009, с. 5–26.
- [20] Берковский Н.Я. *Лекции и статьи по зарубежной литературе*. Санкт-Петербург, Азбука-классика, 2002, 480 с.
- [21] Божерянов И.Н., сост. *Граф Егор Францевич Канкрин. Его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов*. Санкт-Петербург, Издание графа И.В. Канкрин, 1897, 286 с.
- [22] Сопленков С.В. *Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.)*. Москва, Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000, 214 с.
- [23] Каратыгин П.А. *Записки*. Санкт-Петербург, Азбука, Азбука-Аттикус, 2011, 416 с.
- [24] Галахов А.Д. *Записки человека*. Москва, Новое литературное обозрение, 1999, 448 с.
- [25] Сенковский О.И. *Сочинения барона Брамбеуса*. Москва, Советская Россия, 1989, 496 с.
- [26] Goncharova T.N. F.V. Bulgarin's novel "Pyotr Ivanovich Vyzhigin" commented by French literary critic E.-J. Héreau. В сб.: С.Ю. Рубцова, ред. *Синергия языков и культур 2022: междисциплинарные исследования. Сборник статей*. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского университета, 2023, с. 197–210.
- [27] Шор Т.К. «Нелитературное» Карлово и его обитатели. (Обзор документов Национального архива Эстонии). *Новое литературное обозрение*, 2014, № 5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/129_nlo_5_2014/article/11104/?ysclid=lxoj3xvxeh208765138 (дата обращения 21.06.2024).

Статья поступила в редакцию 01.12.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Орлов А.А. «Статьи в роде Адиссонова Спектатора». Подневольная «англомания» Фаддея Булгарина. *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 6. EDN CUVCWQ

Орлов Александр Анатольевич — д-р истор. наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики МПГУ. e-mail: arkigolkin@yandex.ru

“Articles of the Addison’s Spectator kind”. Faddei Bulgarin’s forced Anglomania

© A.A. Orlov

Moscow Pedagogical State University, Moscow, 119435, Russia

References to the archival documents and other sources demonstrate that in the beginning of his reign Nicholas I was oriented towards the English experience in creating a system of state administration. However, his attention was directed not at the English constitutionalism and liberal tendencies, but at political conservatism and slow half-hearted reforms “from the above”. Introduction of this version of Anglomania in the Russian literature (a sphere that was always difficult to control) could be entrusted to the “outsider” F.V. Bulgarin, who was acting under control of the Third Department of His Imperial Majesty’s Chancellery. Thanks to support of the authorities, literary talent and commercial abilities, he managed to do a lot in this area. However, after Nicholas I left the historical stage, Bulgarin’s services, like Nicholas’s version of the official Anglomania, appeared not to stay in demand.

Keywords: F.V. Bulgarin, Russian secret police, Nicholas I, A.Kh. Benckendorff, Russian Anglomania, Russian literary environment

REFERENCES

- [1] Orlov A.A. Retseptsiya angliyskoy i frantsuzskoy politiko-yuridicheskoy mysli v ideynom nasledii A.V. Berdyayeva (1840-e gg.) [Reception of English and French political and legal thought in the ideological legacy of A.V. Berdyayev (1840s)]. In: V.E. Voronin, red. *Klyuchevskiy chteniya—2020. Narod i vlast. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh. Sbornik nauchnykh trudov* [Klyuchevskie Readings—2020. People and Power. Proceedings of the International Scientific Conference of Young Scientists. Collection of scientific papers]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2021, pp. 171–187.
- [2] Orlov A.A. “Anglinskaya volnost zdes ne u mesta...”. *Istoriya rozyska avtora “Mneniya grafa Vorontsova” v kontekste vospriyatiya britanskogo konstitutsionnogo opyta v Rossii v pervoy polovine XIX v.* [The history of the search for the author of the “Count Vorontzov Opinion” in the context of the perception of the British constitutional experience in Russia in the first half of the 19th century]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal “Istoriya”*, 2022, vol. 13, iss. 7. <https://doi.org/10.18254/S207987840022269-4>
- [3] Reitblat A.I. *Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsultant sekretnoy politzii. Statyi i materialy* [Faddei Venediktovich Bulgarin: ideologist, journalist, consultant of the secret police. Articles and materials]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2016, 630 p.
- [4] Reitblat A.I. *Klassika, skandal, Bulgarin... Statyi i materialy po sotsiologii i istorii russkoy literatury* [Classics, scandal, Bulgarin... Articles and materials on sociology and history of the Russian literature]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2020, 574 p.
- [5] Bulgarin F.V. *Vospominaniya. Memuarnyye ocherki* [Memories. Memoir essays]. In 2 vols. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2021, vol. 1, 712 p., vol. 2, 580 p.

- [6] Reitblat A.I., ed. *F.V. Bulgarin — pisatel, zhurnalist, teatralnyi kritik. Sbornik statey* [F.V. Bulgarin — writer, journalist, theater critic. Collection of articles]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2019, 521 p.
- [7] Reitblat A.I., ed. *Vidok Figlyarin. Pisma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie* [Vidocq Figlarin. Letters and agent notes of F.V. Bulgarin to the 3rd Department]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1998, 703 p.
- [8] Dubrovin N.F. K istorii russkoy literatury. F.V. Bulgarin i N.I. Grech. (Kak izdateli zhurnalov) [On the history of Russian literature. F.V. Bulgarin and N.I. Grech. (As publishers of magazines)]. *Russkaya starina — Russian Antiquity*, 1900, vol. 103, no. 9, pp. 559–568, 571–591.
- [9] Ginzburg C. *Rapporti di forza. Storia, retorica, prova*. Quodlibet, 2022 [In Russ.: Ginzburg K. Sootnosheniya sil. Istoriya, ritorika, dokazatelstvo. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2024, 184 p.].
- [10] Tynyanov Yu.N. *Pushkin i ego sovremenniki* [Pushkin and his contemporaries]. Moscow, Nauka Publ., 1968, 424 p.
- [11] Efremova P.A. *Sochineniya A.S. Pushkina. T. VII. Pisma A.S. Pushkina (1815–1837)* [Works of A.S. Pushkin. Vol. VII. Letters of A.S. Pushkin (1815–1837)]. St. Petersburg, A.S. Suvorina Publication, 1903, 692 p.
- [12] Dolinin A.A. *Pushkin i Angliya. Tsikl statey* [Pushkin and England. Collection of articles]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ, 2007, 280 p.
- [13] Brandes G. *Hovedstrømninger i det 19de Aarhundredes Litteratur*. Kyohenhavn, 1872 [In Russ.: Brandes G. Literatura XIX veka v ee glavneyshikh techeniyakh. Frantsuzskaya literatura. St. Petersburg, F. Pavlenkov Publ., 1895, XIV p., 408, 392 col.].
- [14] *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GA RF)*. F. 109 (III-ye Otdelenie Sobstvennoy Ye.I.V. Kantselyarii). 1-ya ekspeditsiya. Op. 1 (1826 g.). D. 82. «Ob opredelenii v sluzhbu otstavnogo kapitana frantsuzskoy sluzhby Faddeya Bulgarina i perepiska o nom» (169 l.) [State Archive of the Russian Federation (GA RF). F. 109 (3rd Department of His Imperial Majesty’s Chancellery). 1st expedition, op. 1 (1826), d. 82. “On the assignment to service of retired captain of the French service Faddei Bulgarin and correspondence about him” (169 p.)].
- [15] Bulgarin F.V. *Litsevaya storona i iznanka roda chelovecheskogo. Izbrannaya proza* [The front and back of the human race. Selected prose]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2009, 352 p.
- [16] Tartakovsky A.G. *Nerazgadanniy Barklay. Legendy i byl 1812 goda* [Unsolved Barclay. Legends and Facts of 1812]. Moscow, Arkheograficheskiy Tsentr, 1996, 367 p.
- [17] Labutina T.L., Kovalev M.A. *Britanskiye intellektualy epokhi Prosveshcheniya: ot markiza Galifaksa do Edmunda Berka* [British Intellectuals of the Enlightenment: From the Marquess of Halifax to Edmund Burke]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2020, 462 p.
- [18] Kiyanskaya O.I. K istorii gazety “Severnaya pchela”: F.V. Bulgarin i Rossiysko-amerikanskaya kompaniya [Concerning the history of the newspaper “Severnaya pchela”. F.V. Bulgarin and the Russian-American company]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie — RSUH/RGGU BULLETIN “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, 2012, no. 13 (93), pp. 24–42.
- [19] Denisenko S.V. Literaturnaya reputatsiya Faddeya Bulgarina [Literary reputation of Faddei Bulgarin]. In: Bulgarin F.[V.] *Litsevaya storona i iznanka roda chelovecheskogo. Izbrannaya proza* [The Front and Back of the Human Race. Selected Prose]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2009, pp. 5–26.

- [20] Berkovsky N.Ya. *Lektsii i statyi po zarubezhnoy literature* [Lectures and articles on foreign literature]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2002, 480 p.
- [21] Bozheryanov I.N., comp. *Graf Egor Frantsevich Kankrin. Yego zhizn, literaturnye trudy i dvadtsatiletnyaya deyatelnost upravleniya Ministerstvom finansov* [Count Egor Frantsevich Kankrin. His life, literary works and twenty years of activity in management of the Ministry of Finance]. St. Petersburg, Grafa I.V. Kankrina Publication, 1897, 286 p.
- [22] Soplenkov S.V. *Doroga v Arzrum: rossiyskaya obshchestvennaya mysl o Vostoke (pervaya polovina XIX v.)* [The road to Arzrum: Russian public thought about the East (first half of the 19th century)]. Moscow, Izdatelskaya Firma "Vostochnaya Literatura" RAN, 2000, 214 p.
- [23] Karatygin P.A. *Zapiski* [Notes]. St. Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2011, 416 p.
- [24] Galakhov A.D. *Zapiski cheloveka* [Notes of a Man]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 1999, 448 p.
- [25] Senkovsky O.I. *Sochineniya barona Brambeusa* [The Works of Baron Brambeus]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1989, 496 p.
- [26] Goncharova T.N. F.V. Bulgarin's novel "Pyotr Ivanovich Vyzhigin" commented by French literary critic E.-J. Héreau. In: S.Yu. Rubtsova, red. *Sinergiya yazykov i kultur 2022: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Sbornik statey* [Synergy of languages and cultures 2022: interdisciplinary studies. Collection of articles]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2023, pp. 197–210.
- [27] Shor T.K. "Neliteraturnoe" Karlovo i ego obitateli. (Obzor dokumentov Natsionalnogo arkhiva Estonii) ["Non-literary" Karlovo and its inhabitants. (Review of documents from the National Archives of Estonia)]. *Novoye literaturnoye obozrenie — New Literary Review*, 2014, no. 5. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/129_nlo_5_2014/article/11104/?ysclid=lxoj3xvxeh208765138 (accessed June 21, 2024).

Orlov A.A., Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of New and Modern history of Europe and America, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU). e-mail: arkigolkin@yandex.ru